ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.161.1'42

ГЕНДЕРНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ПРОКСЕМИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ТЕКСТА

канд. филол. наук, доц. М.Д. ПУТРОВА
(*Полоцкий государственный университет*)

Фиксирование дистанции, на которой видится номинируемый объект в языковой картине мира, представляется важнейшим фактором, позволяющим структурам языка через запечатленные в них дистантные отношения оказывать значительное воздействие на формирование определенного мировидения, гендерно специфического интерпретирующего взгляда на окружающую действительность и события в ней. Постулируется, что маркерами проксемических отношений в тексте могут быть показатели диминутивности, сниженности и дисфлуэнтные знаки. Они способны осуществить определенный сдвиг, переход, придав тексту или его составляющим новое значение, а именно культурно специфическое значение гендера. С их помощью языковая картина мира обретает пространственность, она начинает включать в себя создающего ее человека, конкретизировав его гендерную и культурную принадлежность, а проксемические отношения в ней, став языком, получают возможность говорить и писать о себе.

Введение. Пространственные характеристики текста давно уже стали объектом самого пристального внимания лингвистов, философов и всех, кто имеет своей целью изучение мира текста. Проксемические же его характеристики все еще остаются мало изученными, хотя они очевидным образом являются существенной составляющей пространственной модели текста.

Проксемика была и до самого последнего времени остается одной из важных проблем теории коммуникации, постулирующей культурно-специфическую значимость показателей дистанции в организации коммуникативного поведения. На наш взгляд, не менее важна их роль в осуществлении пространственного позиционирования текста, построения с их помощью картины мира, соответствующей опыту каждого конкретного коммуниканта.

Проксемический параметр, как известно, был введен для обозначения особенностей использования пространства в коммуникативном процессе. Б. Уорф, обосновывая свою гипотезу о лингвистической относительности, утверждал, что язык предопределяет наше восприятие реальности [1, с. 209]. Представители теории проксемики, занимающиеся изучением роли фактора расстояния в осуществлении успешного общения, убедительно показывают, что усвоенные с детства культурно специфические проксемические величины оказывают не менее определяющее воздействие на формирование наших представлений и на наше поведение, чем структуры языка [2, с. 153]. При этом данное воздействие, как правило, осуществляется незаметно для самих коммуникантов и всегда культурно специфично. Отмеченная специфика проявляется во всех установленных категориях расстояния – интимных, социальных, публичных. Изучение проксемики как одного из направлений невербальной семиотики началось в трудах У. Эко [3], О. Вотсона [4], Э. Холла [2] и продолжается по сей день, открывая все новые и новые значимые особенности расположения участников коммуникативного процесса в пространстве в непосредственных актах общения в разных культурах.

Основная часть. В настоящее время считается аксиомой тезис о том, что неотъемлемой характеристикой любого эпизода общения является использование определенных зон или точек непосредственного окружения, которые коммуниканты считают значимыми [5, с. 241]. Само слово *проксемика* является калькой с английского (*proxemics*), хотя корни его глубже и восходят к латинскому языку, в котором *proximics* означает *находящийся рядом, около* [6]. Сочетание латинского корня с широко используемым в лингвистике суффиксом *–emics* позволило получить термин, указывающий на лингвистическую значимость манифестируемого им понятия [5, с. 241].

По нашему мнению, данный термин может быть чрезвычайно полезным не только при описании семантической структуры языковых единиц, в том числе важнейшей из них – текста, но и для более глубокого понимания отраженной в текстах языковой картины мира в целом. Привлечение проксемических показателей позволит в значительной мере уточнить наше знание о ней как в сопоставительном рассмотрении нескольких культур, так и с помощью описания социально значимых расслоений в языке, в частности тех, которые сегодня являются объектом исследования гендерной лингвистики. Исходя из не вызывающих в настоящее время сомнения постулатов, что язык создает мир, что он буквально воспроизводит в себе какие-то черты человека [7, с. 208], причем не человека вообще, а культурно и социально позиционированной личности [8, с. 275 – 322], представляется правомерным допустить, что объектом изучения проксемики могут быть не только реальные расстояния, с учетом которых говорящий субъект позиционирует себя по отношению к другим участникам коммуникативного события в реальных актах об-

щения, но и те виртуальные расстояния, которые передаются средствами языка при описании явлений, событий, фактов, фиксировании мнений, отражающих видение мира коммуникантов. Фактор дистанции при ближайшем рассмотрении оказывается вовлеченным в конструирование самого продукта вербального общения – текста, который с его помощью воссоздает определенную картину действительности, все объекты которой проецируются на некоторую систему дистантных координат, в том числе между говорящим субъектом и воссоздаваемым им в каждом тексте фрагментом картины мира.

Фиксирование дистанции, на которой видится номинируемый объект в языковой картине мира, представляется важнейшим фактором, позволяющим структурам языка через запечатленные в них дистантные отношения оказывать значительное воздействие на формирование определенного мировидения, специфического интерпретирующего взгляда на окружающую действительность и события в ней. Проксемика, в конечном итоге, оказывается не только важнейшим показателем использования реального пространства в коммуникативном процессе, но и значимым параметром текста, отражающим пространственные отношения с помощью структур языка.

Наша гипотеза состоит в том, что проксемическая маркированность текста может быть значимой для манифестации гендера говорящего субъекта. Проксемика, как известно, по-разному маркирует общение в частной и общественной сферах. Первая предполагает более близкие отношения и значительно меньшие, чем официальная сфера, дистанции, как между интерпретирующими реалии мира коммуникантами, так и между говорящим и предметом интерпретации. Дистанция лежит в основе всего, что обычно обозначается с помощью термина «отношение». Женщина исторически сформировалась в общении, которое с проксемических позиций можно обозначить как значительно менее дистантное и требующее внимания к деталям, частностям, позволяющее их рассмотреть, увидеть окружающий мир в мельчайших подробностях. Значимость мира частной сферы, принципиальная незаменяемость важнейших его субъектов и расположенность его реалий на более коротких дистанциях, в том числе и дистанциях особых, приватных отношений, не могли не найти отражения в языке говорящих субъектов, в значительной мере состоявшихся в данной сфере. Сказанное верно и о мире публичных, общественных отношений, для успеха в котором важнее определенная отстраненность и акцент на сильную, полагающуюся на себя личность, способную уйти от деталей и подробностей для осуществления более глобальной цели.

Целью исследования является описание проксемических отношений, проецируемых между текстом и породившим его субъектом с помощью определенных лингвистических показателей, то есть тех или иных вербальных сигналов расстояния.

Дистантные отношения, как известно, уже имеют некоторую историю изучения в лингвистике. Вместе с тем данное изучение весьма отличается от того, которое необходимо для проверки нашей гипотезы.

Известные труды по обсуждаемой проблеме убедительно показывают, что показатели расстояния или дистантные отношения – неотъемлемая часть структуры текста [9, 10]. Как правило, дистантными называются отношения между повторными номинациями действующих лиц текста, его ключевыми словами, указаниями (чаще всего в форме местоимений) на одно и то же лицо или объект, реализованными по всему тексту, но не в контактных предложениях [9, с. 526]. В целом, как убедительно показывают многие исследования, показатели дистанции играют важную роль в структурации текста [11]. Мы полагаем, что те дистантные отношения, которые проецируются с помощью показателей расстояния между продуцируемым смыслом и порождающим его коммуникантом в не меньшей степени участвуют в структурации текста. Они способны манифестировать некоторые антропологические черты говорящего субъекта, но не только те, которые просматриваются на основе анализа наиболее обобщающих языковых структур, сигнализирующих зачастую только то, что породивший их субъект – человек. Менее генерализованный уровень сигнификации позволяет уточнить многие черты говорящего субъекта, а именно обозначить его гендерную принадлежность, являющуюся неотъемлемой дистинктивной характеристикой любого субъекта коммуникативного процесса.

Рассмотрим следующие примеры.

1. *Они все изъявили желание выпить: их мучила жажда.*

2. *Вой як захацелася ім усім піцькі-і! Вой-ё-ёй! Прама паміраюць ды і ўсё! Вог /Н/! А нідзе нічогачкі ж няма. Божачкі! /Н/.*

3. *Нічога, братуха. Прарвёмся. Эгмм бва!*

Реплика 1 представляется более отстраненной от говорящего субъекта, чем реплика 2. Настолько отстраненной, что гендер в ней уже не прослеживается, если судить о ней только на основании ее вербальной линии, исключив голос и те просодические структуры, в которых она манифестирована. Данная отстраненность достигается многими средствами: правильностью грамматической конструкции, официальным, то есть дистанциированным характером выражения смысла (*изъявили желание*), отсутствием междометных и дисфлуэнтных вставок, относительно большим количеством лексических (значимых) слов (4 на 8 единиц реплики: *желание*, *выпить*, *мучила*, *жажда*).

Реплика 2, напротив, рисует картину, менее отстраненную от говорящего субъекта. Менее дистантное позиционирование ее смысла достигается за счет разговорного характера ее структуры, большего количества грамматических слов (всего три лексических слова – *піцькі-і*, *паміраюць*, *няма* – на 21 составляющую ее единицу), что означает значительно меньшую плотность информации в ней. Кроме того,

слова *піцькі*, *божачкі,* междометная вставка (*Вой-ё-ёй!*) и придыхающие дисфлуэнторы (*/Н/, вог /Н/*) эксплицируют более интимные проксемические показатели и являются носителями определенного эмоционального состояния говорящего, также способствующего сокращению расстояния. В случае дистанцированного общения эмоции проявляются в весьма ограниченном количестве и в качественно иной форме.

Менее дистантные отношения прослеживаются и в реплике 3, однако зафиксированная в ней меньшая дистанцированность говорящего от порождаемого им смысла несколько иного свойства, чем в реплике 2. Данная инаковость достигается главным образом словом *братуха*, которое привносит некоторую сниженность, грубоватость в общую семантику высказывания. Если сравнить цепочку *брат*, *братуха*, *братан*, *братик*, *братишка*, *братушка* с точки зрения дистанции, которую данные слова проецируют между говорящим и обозначаемым ими смыслом, то представляется, что более близкие отношения, эксплицируемые *братиком* и *братухой*, все-таки разные. *Братуха* за счет определенной грубоватости, сниженности сигнализирует более отстраненную дистанцию, чем *братик*, однако данная отстраненность существует уже в пределах не формальных, а близких отношений, сигнализируя особую разновидность дистанции: отстраненно-близкую.

Весьма редкий и реализуемый в основном в мужском говорении дисфлуэнторный кластер *эгмм бва*, а также слово *прорвемся*, принадлежащее к типично мужской теме *война*, *агрессия*, закрепляют наметившуюся в лексеме *братуха* отстраненность, ибо отсылают к тому гипертексту мужского говорения, который имеется в опыте слушающего. Они представляют собой те экспликаторы принадлежности к определенной макроструктуре, на основании которой совершается распознавание слушающим гендера говорящего субъекта. Существенной составляющей данных экспликаторов является характерная проксемическая деталь в семантике слова *братуха*: отстраненно-интимная.

Рассмотрим еще раз представленную цепочку наименований: *брат*, *братуха*, *братан*, *братик.* Лингвистическая традиция ранжирует данные наименования в определенном порядке, обозначая одни как нейтральные, другие как формальные, уменьшительные, пренебрежительные. Не отрицая полезности подобной интерпретации приведенных наименований, представляется целесообразным отметить возможность другого их ранжирования, а именно в зависимости от той дистанции, которую они проецируют между номинантом и номинируемым им объектом. Слова, составляющие последовательность *брат*, *братик* и *братан*, все-таки отличаются еще и той дистанцией, которая задается уменьшительными и пренебрежительными суффиксами по сравнению с нейтральным наименованием *брат*. Предпочтение говорящим того или иного варианта обозначения поэтому неизбежно сказывается на характере проксемических отношений, возникающих между высказыванием и коммуникантом.

4. *И тут братуха мой грит …*
5. *А братик мой мне на это …*
6. *А брат, оказывается, сказал совсем другое …*
7. *Should I've kept my mouth shut?*
8. *Should I keep my yap shut?*

Все представленные в примерах 4 – 8 фрагменты являются частью подлинного говорения в непринужденной обстановке двух хорошо знающих друг друга коммуникантов, отношения между которыми можно квалифицировать как дружеские. Лексико-грамматический аспект говорения примеров 4 – 6 и 7 – 8 приблизительно одинаков. Вместе с тем есть и некоторые отличия. Несмотря на, казалось бы, минимальный характер данных отличий, они, тем не менее, способны модифицировать некоторые аспекты смысла реализующих их высказываний. Прежде всего в плане проецируемых ими проксемических отношений. Так, реплика 6 манифестирует нейтральное расстояние между коммуникантом и отражаемым им в данной реплике фрагментом мира. Реплика 5 – достаточно близкое, 4 – отстраненно-близкое. Данное утверждение представляется более доказательным, если сравнить сначала лексемы *брат* и *братуха*, а потом *братик* и *братуха*. Более фамильярное, хотя и сниженное наименование *братуха* воспринимается как менее интимное, чем *братик*. Данное восприятие, как показали результаты специального эксперимента, свойственно не только автору настоящей работы. 20 информантов (10 мужчин и 10 женщин), привлеченных нами в качестве референтной группы, дали на редкость однотипные ответы на вопрос, какое из двух слов видится им более/менее интимным, отстраненным. В сопоставлениях типа *братуха – братик*, *Танёпіца – Танячка* диминутивные наименования всегда трактовались как более интимные, а в парах *брат – братуха, Тацяна – Танёпіца* таковыми виделись грубоватые варианты наименований, традиционно относящиеся к сниженной лексике. Неслучайно некоторые авторы рассматривают последнюю в рамках диминутивных форм номинации [12, с. 570]. Данные нашего эксперимента позволяют утверждать, что для такого рассмотрения есть определенные основания. Примечательно, что в нашем эксперименте пять информантов в каждой группе имели высшее филологическое образование.

Языковыми средствами отмечающейся дистанцированности, таким образом, могут быть разные формы номинации. Иными словами, нейтральность, диминутивность, сниженный характер наименований являются важными маркерами проксемических коннотаций в тексте.

Изучение гендерной отнесенности представленных нами фрагментов позволил получить весьма любопытные данные. Реплики 5, 6 и 7 принадлежат женщинам, 4 и 8 – мужчинам. Если принять во внимание высокий и узкий диапазон говорения в примере 6 и признать правомерность интерпретации такого диапазона как

просодического варианта реализации феномена диминутивности [12, с. 534], то приходится признать, что инаковость говорения у представителей разных гендерных групп достигается, в том числе, и с помощью определенных предпочтений в способах манифестации проксемических отношений, выражаемых средствами нейтральных, сниженных и диминутивных форм номинации. Особенно показательной в плане гендерной значимости диминутивных вариантов представления расстояния является реплика 6. Если убрать высокий уровень и соответственно узкий диапазон ее реализации, она становится абсолютно нейтральной как с точки зрения проксемических, так и гендерных ее коннотаций. Проксемические особенности, диминутивность и гендер, таким образом, имеют определенную связь. Целесообразно поэтому более подробно остановиться на особенностях диминутивных форм номинации в записанных нами эпизодах подлинного общения в четырех культурах.

Диминутивность в настоящее время привлекает внимание многих исследователей, хотя далеко не всякий толковый словарь по языкознанию имеет специальную статью для интерпретации данного явления. Так, словарь лингвистических терминов под редакцией В.Н. Ярцевой, определяя сущность номинации, отмечает, что номинативные акты могут протекать при непосредственном взаимодействии прагматических факторов. Последние в таком случае оставляют свой след в сигнификате в виде того или иного отношения именующих к обозначаемому явлению. При этом диминутивные формы квалифицируются авторами как эмоциональные (*солнышко, маленький, малюсенький*) [13, с. 336]. Анализируя конкретные многочисленные случаи наименования реалий действительности в аутентичных актах общения, мы пришли к выводу о проблематичности обобщения всех «следов» в сигнификате, которые маркируются диминутивными формами, только с помощью термина «эмоциональные». Например:

9. *Ножик где, картошку почистить чтоб?*

Сами по себе они скорее подсказывают сферу употребления, чем эмоциональность говорения, и соотносятся с определенной дистанцией, на которой называемый объект видится выбравшему конкретный вариант наименования коммуниканту в проецируемой им картине мира. То есть значимым оказывается фактор дистанции или так называемый проксемический параметр, который в той или иной степени маркирует все диминутивные наименования.

Мы полагаем, что те группы коммуникантов, которые исторически сформировались в общении, с проксемических позиций определяемом как значительно менее дистантное, могут обнаруживать определенные особенности в номинации объектов действительности. То есть значимость мира частной сферы, принципиальная незаменяемость важнейших его субъектов и расположенность его реалий на более коротких дистанциях, в том числе и дистанциях особых приватных отношений, находят отражение как в языке, особенностях вербального поведения, так и в проецируемой с помощью языка и зафиксированной в текстах соответствующей картине мира.

Сказанное справедливо и об общественной сфере, где субъекты общения могут быть в значительно большей степени заменяемы и где позиционирование себя на определенной, достаточно удаленной или нейтральной дистанции зачастую оказывается одним из важнейших средств конструирования себя как полноценного субъекта данной сферы.

Анализ наших текстов аутентичного общения позволил получить данные, указывающие на несомненную гендерную значимость противопоставления диминутивность/нейтральность наименования. Так, приведенные в представленной ниже таблице данные показывают, что диминутивные формы, с одной стороны, чаще употребляются в приватной сфере и действительно могут ассоциироваться именно с ситуациями названной сферы независимо от гендера коммуникантов; с другой, что они в большем количестве реализуются все-таки в речи женщин. В то же время и мужчины вовсе не отказываются от данных форм, особенно в ситуациях частного общения и заботы. Диминутивность, таким образом, как явление соотносится не только и, можно утверждать, не столько с гендером, сколько со сферой говорения. И скорее всего она в той или иной степени стала маркером определенного гендера именно потому, что важнейшие стереотипические черты данного гендера диахронически сформировались преимущественно в определенной сфере.

Общие показатели употребительности диминутивных форм (в %)

Культура	Белорусская		Русская		Американская		Английская	
Сфера	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж
Публичная	3,25	10	6,75	15	10,75	21	9,25	17,5
Приватная	38	48,75	32,5	45,75	31,25	39	30,5	–

Примечание. За 100 % принимаются все употребления уменьшительных форм в одной культуре.

Во всех культурах женщины прибегают к диминутивным наименованиям в публичной сфере значительно чаще, чем мужчины. В славянских культурах обнаруживается заметная гендерная асимметрия в общей встречаемости диминутивных форм глаголов, и в еще большей степени числительных, местоимений, частиц, союзов, предлогов, сравнительных и превосходных степеней сравнения прилагательных и наречий. Гендерные особенности прослеживаются также в группе уменьшительных междометий и звукоподражательных

слов, дисфлуэнторов и вокализованных вставок. Даже в случае приблизительно одинаковых или, по крайней мере, мало отличающихся показателей употребительности ряда диминутивов – существительных и прилагательных – наблюдаются заметные различия в тех функциях, которые оказываются для них характерными.

Так, в мужском говорении они значительно чаще используются в целях иронии, подтрунивания, высмеивания, цитирования, что делает диминутивные наименования несколько более отстраненными, дистанцированными от породившего их субъекта. В результате получается, что если женские диминутивы, как правило, сокращают расстояние между говорящим субъектом и номинируемым им смыслом, то мужские, в значительной своей части сокращая, одновременно несколько отстраняют. Неслучайно одной из характеристик иронии как раз и является ее способность дистанцировать продуцируемые смыслы. В этом и состоит одна из ее главных особенностей. По нашим данным, иронические диминутивы превалируют в говорении мужчин, причем во всех возрастных и «образовательных» группах. Вместе с тем есть и заметные культурные различия: в массивах белорусских текстов гендерные расхождения, в частотности употребления иронических диминутивов, значительно меньшие и в среднем составляют всего 10 %, хотя общая употребительность таких диминутивов одна из самых высоких среди анализируемых культур. Для сравнения приведем показатели различий в частотности диминутивов иронической направленности в других сопоставляемых культурах. В русской она на 32,25 % выше у мужчин, в английской – на 30 %, американской – 32,75 %. Характерный пример:

10. *Well, she is a great computerperson! An excellent browsie! Erm…for weather and fashion you know. Erm… Kẇ!*

Примечание: Точка в *ẇ* – знак оглушения.

Иронические диминутивы поэтому являются, за исключением, возможно, белорусской культуры, весьма характерной чертой скорее мужского говорения, чем женского. Кроме того, плотность распределения диминутивов в мужском говорении достаточно равномерна. В женском, напротив, возможны разного рода кластеры диминутивных наименований, сосредоточивающие несколько уменьшительных форм в одной клаузе.

11. *Что ты! Так, знаешь, вкусненько, вкусненько, превкусненько! Прям не оторвешься. Что ты!*

Не менее красноречивы те случаи непонимания, которые оказались зафиксированными в наших текстах. В целом ряде ситуаций непонимание или затрудненное понимание имело место ввиду неожиданной или непривычной формы номинации объекта для адресата – диминутивной для мужчин и нейтральной, формальной для женщин. Весьма симптоматичны также те фрагменты мужского говорения, в которых коммуниканты пытаются имитировать вербальное поведение представителей другого гендера. Диминутивность, по нашим данным, оказывается весьма востребованным средством воссоздания речевого портрета женщин мужчинами во всех анализируемых культурах.

Сказанное позволяет сделать вывод о несомненной значимости диминутивных средств номинации в маркировании гендерной принадлежности высказываний. Но не только. Важным представляется уяснить, почему уменьшительные формы оказываются способными сигнализировать гендер говорящего. На наш взгляд, это становится возможным, помимио всего прочего, ввиду их способности модифицировать проксемическую составляющую говорения и, соответственно, тот фрагмент языковой картины мира, который неизбежно формирует каждый участник коммуникативного процесса во всех своих актах общения. Сигнализируя специфическую дистанцию, данные единицы вносят заметный вклад в гендерно дистинктивную проксемическую информативность всего высказывания.

Последняя формируется, конечно же, не только за счет диминутивных, но и многих других средств, в частности за счет средств дисфлуэнтного кода. Анализ особенностей локализации данных средств показывает, что зачастую они располагаются весьма хаотично, но возможны и зоны интенсификации проксемической информации с помощью целых цепочек дисфлуэнтных вставок. Однако если диминутивные кластеры в подавляющем большинстве являются знаком женского говорения или той или иной его имитации, то дисфлуэнтные кластеры возможны в речи представителей всех гендерных групп. Вместе с тем есть и явная специфика, которая связана прежде всего с функциями, выполняемыми дисфлуэнторами и их конкретной фонетической формой. Значительно большее разнообразие парадигмы диминутивных форм, как было установлено в ходе анализа наших массивов записей, соотносится с говорением женщин. С дисфлуэнтностью ситуация прямо противоположная. В мужском говорении регистрируется гораздо большее количество вариантов фонетической репрезентации дисфлуэнторов. Мужчины задействуют зачастую почти все возможные звуки фонетической системы своего языка, конструируя свои дисфлуэнтные вставки, а также многие носовые и ротовые варианты, ей не присущие. Женские дисфлуэнторы по звуковому составу менее разнообразны, за исключением придыхающих вставок. Последние весьма частотны и в основном соотносятся с говорением женщин [14].

В результате дисфлуэнтные вставки не только облегчают процесс конструирования и восприятия высказывания, делая его вербальную структуру менее отстраненной, информационно менее плотной, привнося человека в язык, передавая его эмоциональные и интеллектуальные состояния, но и оказываются способными сигнализировать гендерную принадлежность данного высказывания. То есть манифестация гендерной, проксемической, эмоциональной информации осуществляется одновременно, синкретическим путем.

Рассмотрим следующий фрагмент подлинного общения.

12. А-1: *They are a very tragic family you know, uhmm…*

В-1: *uhmm /pH/.*

А-2: *Yeah. Because every farm in the dale every farm was blessed with children, and they were able to share the the the work on farm.*

В-2: *Uha.*

А-3: *But … all they had was elderly folk, oh!*

В-3: *Oh!*

А-4: *Yeah, elderly folk, who did their best of course to help, but uhm… they uhm… they were just too old and infirm.*

В-4: */fẄH/.*

А-5: *Yeah.*

В-5: *And William /H/?*

А-6: *Yeah, William … ww … The thing about William is that …*

Кроме типично женских придыхающих вставок (В-1, В-4 и В-5), данный фрагмент инкорпорирует и весьма частотные дисфлуэнторы *uhm*-типа. Но если в репликах коммуниканта-мужчины он выполняет достаточно характерную для него роль сигнала обдумывания или планирования дальнейшей части высказывания и таким образом оповещает собеседника о занятости канала (А-1, А-4), то в реплике В-1 данный дисфлуэнтор имеет функцию проявления солидарности, весьма типичную для фемининных тактик вербального поведения. С его помощью собеседница не только манифестирует внимание, но и выражает определенное сопереживание, готовность помочь даже в самом процессе вербализации смысла.

С другой стороны, зафиксированные в данном фрагменте дисфлуэнтные вставки вместе с другими дискурсивными знаками делают текст разговора менее отстраненным. Они привносят в него гендерно маркированных, то есть в значительной мере конкретизированных собеседников с их предпочтениями в выражении своих переживаний, эмоций, мыслей, а также выборе тактик ведения разговора – более кооперативных и поддерживающих, организующих сам разговор у женщин (В-1, В-2, В-3, В-5) и чаще нацеленных на обсуждение непосредственно выбранной темы у мужчин (А-1, А-2, А-3, А-4, А-6).

Особый случай реализации проксемической информации, как уже отмечалось, представляют собой так называемые единицы сниженной лексики: *Танёпіца*, *братуха* и т.п. С одной стороны, они сокращают расстояние, проецируемое их нейтральными эквивалентами, – *Таня*, *брат*, – с другой, данное сокращение реализации определенного смысла не в такой степени сильное, как это имеет место у диминутивных вариантов (*Танюшенька*, *братик*). Правомерно заключить, что с проксемической точки зрения они представляют собой отстраненно-приближенный вариант языковых единиц. Весьма характерно, что они значительно чаще реализуются в говорении мужчин. Сказанное особенно верно в отношении младшей возрастной группы коммуникантов до 25 лет.

Т.А. Ван Дейк, исследуя дистанционные отношения в тексте, вводит понятия макроструктуры с тем, чтобы с его помощью осуществить наиболее абстрактное описание содержания текста, то есть описание его с максимально глобальных перспектив [15, с. 41]. Макроструктура текста в его интерпретации представляет собой его глубинный смысл, который конструируется на основе определенных сигналов в его поверхностной структуре и структуре значений [15, с. 48]. В трудах Т.А. Ван Дейка, а также в работах других исследователей по проблеме макроструктуры текста дается значительный перечень средств или сигналов, отсылающих интерпретаторов текста к особенностям его макроструктуры, в значительной степени отражаемых с помощью сигналов дистантных отношений в тексте [10, 16].

Полученные нами данные позволяют существенно расширить перечень известных лингвистике маркеров расстояния, включив в него новый класс величин – проксемические показатели в тексте. Последние маркируют дистанцию не столько между реалиями текста, сколько между его создателем (в нашем случае, говорящим субъектом и той картиной мира, которая запечатлена в создаваемом им конкретном тексте и конституирующих его единицах). Представленные средства, безусловно, не исчерпывают всех возможных языковых средств обозначения проксемических отношений, но они убедительно показывают значимость проксемики, в частности (и в особенности) в конструировании гендерной идентичности говорящего субъекта.

Выводы. Обобщая полученные данные, правомерно сделать вывод о том, что: 1) проксемические маркеры, заключенные в диминутивных наименованиях, единицах дисфлуэнтных вставок и словах сниженной лексики, являются экспликаторами макроструктуры текста, привнося в его глобальный смысл не только дистантные характеристики, но и значения, связанные с репрезентацией гендера говорящего субъекта; 2) с помощью различий в обозначении проксемических отношений в тексте грамматикализируется социальная категория гендера. Ведь слово, как известно, является средством доступа к единой информационной базе человека – его памяти, где хранятся совокупные продукты переработки перцептивного, когнитивного и аффективного опыта взаимодействия с окружающим его миром.

Сказанное верно и о единицах дисфлуэнтных вставок. Реализованное в тексте слово или диминутивная вставка способны распространять иррадиирующую из них информацию на весь текст, на всю языковую картину мира говорящего, привнося в них целый ряд сопутствующих смыслов или нюансов

смысла, одним из которых является информация проксемического характера, то есть информация о дистанции, отделяющей говорящий субъект от проецируемого им с помощью языковых средств мира.

Полученные на основании нового подхода к интерпретации проксемических величин, сущности диминутивных единиц и роли дисфлуэнтных вставок в манифестации устных высказываний данные представляют интерес для гендерных исследований, особенно для теории конструирования гендера языковыми средствами; актуальны также и для тех, кто занимается проблемами дисфлуэнтности, диминутивности, проксемики. Представляется, что результаты исследования позволяют не только подтвердить известный тезис о значимости для языка дистанционных отношений, но и показать, как с их помощью языковая картина мира обретает пространственность, как она начинает включать в себя создающего ее человека и как проксемические отношения в ней, говоря словами Ж. Женетт, став языком, говорят и пишут о себе [17, с. 132]. Те изменения в проксемических показателях, которые становятся маркерами гендерно специфической картины мира, правомерно, вслед за Р.О. Якобсоном, назвать шифтерами. Р.О. Якобсон подразумевал под ними определенные грамматические категории. В нашем исследовании это показатели диминутивности, сниженности, дисфлуэнтные знаки. Они способны осуществить определенный сдвиг, то есть шифт, переход, придав тексту или его составляющим новое значение, а именно значение гендера.

Симптоматично, что предложенная нами интерпретация значимости проксемических маркеров в тексте соотносится с выводами гендерных исследований в области психологии, констатирующих бóльшую нацеленность фемининной структуры личности на сотрудничество, связь, отношения и явно выраженное стремление маскулинных групп к относительной независимости, определенной отстраненности [18, 19]. Дистинктивные психологические особенности основных гендерных групп, таким образом, отражаются в проксемических отношениях в тексте, символизируемых дисфлуэнтными и уменьшительными формами, а также характерной частотностью единиц сниженной лексики.

Полученная информация культурно и социально специфична. В ней отражается гендерно дистинктивный опыт взаимодействия человека с окружающей средой, в частности опыт интерпретации переживаемых им событий с точки зрения проксемических величин.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уорф, Б. Наука и языкознание / Б. Уорф // Языки как образ мира: сб. науч. ст. / отв. ред. К. Королев. – М. – СПб., 2003. – С. 202 – 219
2. Hall, E.T. Space speaks / E.T. Hall // Landmarks of American Language and Linguistics / US Information Agency; ed. F. Smolinski. – Washington, 1993. – P. 147 – 156.
3. Eko, U. Einführung in die Semiotik / U. Eko. – München: Fink, 1968. – 314 S.
4. Watson, O.M. Proxemics / O.M. Watson // Current trends in linguistics; ed. T.A. Sebeok. – The Hague: Mouton. – P. 311 – 344.
5. Danesi, M. Proxemics / M. Danesi // Encyclopedia of Language and Linguistics: in 13 v.; ed. K. Brown. – Amsterdam, Boston: Elsevier, 2006. – V. 10. – 776 p.
6. Oxford Dictionary of English Etymology / ed. C.T. Onions. – Oxford: The Clarendon Press, 1966. – 1025 p.
7. Норман, Б.Ю. Игра на гранях языка / Б.Ю. Норман. – М: Флинта, Наука, 2006. – 242 с.
8. Downes, W. Language and Society / W. Downes. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – 503 p.
9. Гак, В.Г. Языковые преобразования / В.Г. Гак. – М: Языки русской культуры, 1998. – 768 с.
10. Kress, G. Discourse Semiotics / G. Kress, R. Leite-Garcia, T. Van Leenwen // Distance as Structure and Process. Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction: in 2 vol.; ed. Teun A. van Dijk. – L., New Delhi: Sage Publications, 1998. – Vol. 1. – P. 257 – 291.
11. Соловьева, М.А. Роль дистантных отношений в структурации и понимании английского художественного текста: дис. … канд. филол. наук 10.02.04 / М.А. Соловьева. – Минск, 2005. – 183 с.
12. Jurafsky, D. Universal tendencies in the semantics of the diminutives / D. Jurafsky // Language. – 1996. – V. 72. – P. 533 – 578.
13. Телия, В.Н. Номинация / В.Н. Телия // Словарь лингвистических терминов / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: БСЭ, 1998. – С. 336 – 337.
14. Путрова, М.Д. Придыхание в ряду гендерно значимых характеристик аутентичного говорения / М.Д. Путрова // Весн. Бел. дзярж. ун-та. Сер. 4. Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. – 2006. – № 2. – С. 60 – 64.
15. Дейк Ван, Т.А. Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. Ван Дейк. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
16. Schwarz, M. Ein führung in die Kognitive Linguistik / M. Schwarz. – Tübingen und Basel: Francke, 1996. – 238 S.
17. Женетт, Ж. Фигуры. Работы по поэтике: в 2 т / Ж. Женетт. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. – Т. 1. – 472 с.
18. Fishman, P. Interaction: the Work Women Do / P. Fishman // Language, Gender and Society: collection of papers; eds. B. Thorne, Ch. Kramarae, N. Henley. – Rowless, MA: Newsbury House, 1983. – P. 181 – 196.
19. Kolb, D.M. Her Place at the Table: Gender and Negotiation / D.M. Kolb // Women, Men, and Gender: collection of papers; ed. M.R. Walsh. – Yale University Press, 1997. – P. 138 – 144.

Поступила 28.11.2007